

Страшные тайны "хозяйства Огаркова"

О том, как развивалось и применялось ядерное и химическое оружие, знают все. О биологическом - почти никто. Как это ни странно звучит, но уровень засекреченности военной бактериологической программы во многом превосходил все ядерные проекты. Не случайно уже полгода мир сходит с ума от бактериологической угрозы: американцы чуть было не развязали очередную "Бурю в пустыне", только для того, чтобы добиться проверки дворцов Хусейна, а англичане ужесточили пограничный контроль в ожидании иракских террористов с возбудителями сибирской язвы.

В 1925 году Советский Союз подписал Женевский протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологического оружия (БО). Но это не помешало в середине 30-х годов незабвенному Климу Ворошилову заявить о том, что Советская Армия работает над таким оружием. В сталинских "шарашках" томились тысячи микробиологов. Большая часть занималась военными исследованиями. Прикрытие уже тогда было выбрано грамотно - создание защиты от возможного бактериологического нападения, позже получившее название "пятая проблема".

Колыбель советского БО с 30-х годов - островки Комсомольск и Возрождение в Аральском море. Хорошим подарком советским военным явились секретные разработки японцев в области БО, попавшие в руки разведке после поражения Японии во Второй мировой.

Но к началу 70-х партийное руководство готовилось закрыть военные биоисследования. Во-первых, дорогое в серийном производстве атомное оружие поставило под сомнение целесообразность дальнейших затрат на БО. Во-вторых, опыты показали, что если в качестве боеагентов использовать возбудители обычных заразных инфекций, то невозможно избежать "обратного" эффекта - перехода эпидемий на войска тех, кто, собственно, и применил БО. В-третьих, к этому времени во всех развитых странах мира были разработаны эффективные вакцины против природных возбудителей именно тех заболеваний, которые и составляли основу БО.

Но военным не хотелось расставаться с мечтой быстро вывести из строя не только войска, но и тылы - фабрики, заводы и мозговые центры противника. При этом получить все материальные ценности неповрежденными. После применения БО не нужна дезактивация - просто убери трупы.

Так была сформулирована задача: создать возбудители болезни, которые пробивали бы иммунитет человека, действие существующих вакцин и антибиотиков, и в то же время эти препараты не должны были наносить ущерб солдатам армии победителя - то есть бактерии должны иметь секретный код, ключ к которому неизвестен врачам противника. Смертельная зараза должна выдержать перелет внутри баллистической ракеты или

артснаряда. С весенним ветерком, дождем или снегом активные вещества должны попасть к тем, кому они предназначены, без потери исходных свойств.

В 1972 году вышло секретное постановление ЦК КПСС и правительства о создании передовой военной технологии, для чего, в свою очередь, требовалось решить ряд фундаментальных научных проблем. Незамедлительно был создан закрытый Межведомственный научно-технический совет по молекулярной биологии и генетике. К функциям совета относилась разработка научных программ, распределение гигантских валютных ресурсов и, главное, координационные функции, так как в решении "пятой проблемы" были вовлечены не только МО СССР и ВПК, но и Академия наук, Минздрав и даже Минсельхоз.

Организация получила название - п/я А-1063. Этот "ящик" в просторечии называли просто - Система. Или "хозяйство Огаркова" - по имени генерала, возглавлявшего п/я на протяжении многих лет. Со стороны МО СССР отслеживать успехи и неудачи военных биологов было призвано 15-е управление, которое возглавлял закадычный друг Брежнева Ефим Смирнов.

С самого начала работа по обновленной программе производства БО секретилась так, как ни один советский военный проект, включая атомный. Если во всех остальных случаях в целом признавалось, что исследования в области водородного или нейтронного оружия ведутся, а секретились только результаты, то в истории с БО была предпринята успешная попытка засекретить сам факт исследований. Всего несколько десятков человек знали, что скрывается под кодовым наименованием "Проблема-Ф". Была развернута беспрецедентная кампания прикрытия. Было издано открытое постановление партии и правительства о мерах по развитию молекулярной биологии и генетики. Особенно трогательно, что именно в 1972 году СССР присоединился к международной Конвенции по запрещению разработки и испытания БО, которую в 1975 году ратифицировали 112 стран.

Сначала штаб "хозяйства Огаркова" размещался в помещении Главмикробиопрома, но так как надлежащий режим секретности в нем соблюдаться не мог, осенью 1973 года на берегу Яузы, по адресу Самокатная, дом 4а, ему выделили большой комплекс зданий, отвечавший требованиям военных и КГБ. Въезд со стороны Яузы практически невозможно заметить. Перевозка всех документов осуществлялась только в сопровождении вооруженной охраны и на специальных автомобилях. Руководителей проекта охраняли почти как членов Политбюро.

Решили пойти по двум направлениям: противочумным институтам и ИЭМ имени Ф.М. Гамалея было предписано заниматься фундаментальной проблемой изучения генетики вирулентности (болезнетворности) особо опасных инфекций, а в военных институтах сконцентрироваться на практических путях передачи чужеродной информации, к примеру, чумному микробу (штамм EV).

Чуму отдали на откуп военному институту в Кирове, сибирской язвой занимались преимущественно в Свердловске, туляремией в Подольске, ленинградский институт вел работы с токсинами, а институт в Новосибирске сконцентрировался на возможностях

использования вирусов в военных целях. Каждая фирма воплощала в жизнь один из "пяти пунктов" программы, разработанной академиками Ждановым и Домарадским. Впрочем, исследования зачастую дублировались.

"Чумные" ордена"

Что такое объект, где работают с БО? Это в первую очередь мощный, независимый источник электроэнергии. Ежедневно приходится проводить очистку тысяч тонн воды, в которую могут попасть болезнетворные микробы. Энергию потребляют гигантские ферментеры, в которых выращиваются культуры, мощные вентиляционные установки и фильтры. Внутри зданий находятся так называемые аэрозольные камеры, в которых имитируется распыление боевых веществ над территорией противника. Поэтому большое значение придавалось маскировке с воздуха. Например, Институт прикладной микробиологии в Оболенске строился таким образом, чтобы на снимках из космоса сооружение напоминало типичный советский санаторий.

Техническое задание по чуме было выполнено, судя по всему, к началу 1978 года. Именно в это время на создателей БО пролился дождь орденов, и медалей. Боевой чумной микроб с секретной вакциной-противоядием был получен. И корпуса в Оболенске строились не зря. Приблизительно к 1984 году было создано БО, в основе которого лежал туляремиальный микроб. Интересно, что с самого начала здесь велись работы с возбудителем так называемой американской туляремии, болезни, распространенной только в Новом Свете.

Большая часть ключевых постов в Системе доставалась ленинградцам. Выпускниками питерской Военно-медицинской академии были Огарков, Виноградов-Волженский, Ашмарин. Ключарев - генерал и начальник отдела науки п/я А-1063 - тоже был выпускником академии. Эти люди были в первую очередь военными, и лишь во вторую - врачами, так что морально-этических проблем у них не возникало. Тем более данные разведки показывали, что американцы и англичане ведут интенсивные работы в этой области. Типичная ситуация времен холодной войны: напуганные друг другом противники создавали все новые и новые виды разрушительных вооружений, и вопрос о том, кто начал эту гонку, был вскоре снят с повестки дня.

И сегодня мы бы, возможно, гордились этими и многими другими именами, так же как авторами советской атомной программы, если бы не трагедия, которая разыгралась в Свердловске.

"Сепсис 002"

Понадобилось 19 лет, чтобы некоторые участники тех трагических событий наконец заговорили, ничего не скрывая. Бывшая главврач свердловской горбольницы № 24 Маргарита Ивановна Ильенко передала нам не публиковавшиеся ранее документы, чудом сохранившиеся у нее после обысков КГБ.

— Первые больные начали поступать 3-4 апреля 1979 года. Наша больница тогда была меньше... и часть пострадавших госпитализировали в 20-ю больницу на Химмаше. И вот мне звонит главврач 20-й Яков Клиппиницер и спрашивает: "У тебя не умирают люди?" - "Нет". - "А у меня умирают. "Твои" умирают. От пневмонии".

На следующее утро опять звонит: "Еще трое твоих умерло". Я говорю, уточняй диагностику. От пневмонии давно уже не умирают.

На третий день прихожу в больницу рано утром. На крыльце встречаю плачущего дежурного врача Розу Газиеву: "Маргарита Ивановна, у меня за ночь умерли пять человек!"

Я поднимаюсь на третий этаж в терапию. Боже мой! Мертвые и живые. Все лежат рядом. Захожу в одну палату. Мужчина лет тридцати. Он со мной разговаривает, а по телу уже трупные пятна. Вдруг у него рвота с кровью. И все. Конец.

Всех умерших перенесли в одну палату. Потом в морг. Первые два дня мы просто не понимали, что ЭТО такое. Вскрытие делала Фаина Абрамова, рядовой патологоанатом 40-й больницы. Она-то первая и сказала: сибирская язва. Но об этом не стали распространяться.

Мы кодировали потом это заболевание "сепсис 002". Но первые два дня хоронили под разными диагнозами: неизвестный яд, пневмония. Хоронили на обычных кладбищах. Затем в горздравотделе решили, что все подозрительные больные должны госпитализироваться в 40-ю больницу. Там было отдельное инфекционное отделение.

После этого к нам приезжала дезостанция в противочумных костюмах, проводили обработку. Шума было много. Дифференциацию диагноза врачам "скорой помощи" производить было трудно. И к нам в больницу все-таки завозили таких больных. Жалобы были те же, что при обычных инфекциях: высокая температура, головная боль, слабость, в конце - рвота. Самое страшное, что люди иногда умирали прямо в поликлиниках и заводских здравпунктах.

Потом мы занялись подворными обходами. Нужно было посетить большое количество людей. Создали санитарные дружины - из женщин в основном, студентов мединститута. Выявляли больных, разъясняли ситуацию, раздавали тетрациклин. Спустя две недели после начала эпидемии мы начали проводить профилактические прививки от сибирской язвы. На каждый подъезд клеили объявление.

Вакцина была обычная, какой каждый год мы прививали работников мясокомбината, тех, кто забивал скот, - обычно не больше 50 человек. Без было. нас обеспечили большим количеством такой вакцины (производилась в Тбилиси. - Авт.). Прививали во дворцах культуры при заводах. На первую прививку шли толпы, поскольку люди были очень напуганы. К 26 апреля - 57 тысяч человек. На вторую и третью - поменьше, хотя каждому нужно было сделать по три прививки.

Большая смертность была 2 недели апреля. Потом стала убывать. К 1 мая начали делать уборку города, мыть дома из пожарных брандспойтов, крыши гаражей. О том, что это могло быть "облако" из Свердловска-19, тоже уже думали, ведь больше всего погибло на керамическом заводе, который находится рядом с военным городком, на возвышении, - в трубном цехе, оборудованном мощной вентиляцией.

1 мая я пошла на демонстрацию. Меня выдернули из толпы и попросили вернуться на работу. Люди, которые работали на уборке керамического завода, начали тоже умирать. Было еще несколько смертей - до десятка. Вторая волна. После 10 мая все прекратилось.

В Свердловске-19 молчали. Никто ни разу ничего не подсказал, хотя слух о выхлопе из вентиляции какой-то лаборатории этого военного городка гулял.

На мои плечи легли похороны 15 умерших. Наливала спирт своим слесарям, они пьяные таскали эти гробы. Ни один родственник даже близко не подошел. Бросали _ мне на стол паспорта. Боялись.

Русский народ привык, видно, ну, убили и убили. Сколько мужчин полегло тогда, сколько детей сиротами осталось, но никакого возмущения не было и нет до сих пор.

Военные из 32-го городка (танковое соединение. - Авт.), который совсем рядом со Свердловском-19, тоже умирали. Мне известны случаи, когда те, кто проходил военную переподготовку в 32-м, потом скончались уже дома. Прохоров. Был на военных сборах с 5 по 11 апреля. Умер в три дня в конце месяца. Сколько полегло солдат-срочников, не знаю.

Умирали привитые обычной вакциной. Видимо, не та была вакцина. Судя по всему, военные сидели на нужной вакцине, но нам ее так и не дали. Пытались доказать, что это был не выброс, а виновато зараженное мясо.

У меня чудом сохранился небольшой архив по умершим в 1979 году. Когда КГБ проводил обыски, я лежала в больнице. У других врачей все бумаги забрали.

В режиме секретности

До нас никому из журналистов не удавалось выяснить, что же происходило в кошмарном апреле 79-го в самом засекреченном Свердловске-19. И вот, наконец, нашелся смелый человек, который впервые рассказал нам о тех событиях как бы изнутри.

Бывший начальник отдела кадров Центра военно-технических проблем антибактериологической защиты МО РФ (Свердловск-19) подполковник Евгений

Тулыкин попал на этот секретный объект в начале 1978 года. Его перевели из полка ВВС ЗакВО. Обычное продвижение по службе на необычное место.

- Я был представлен начальству, в том числе руководителю института генерал-майору медицинской службы Валерию Михайлову. Дали квартиру, и работа пошла.

Занимался кадровой документацией, подбором персонала для всех подразделений института. По роду службы я не мог быть допущен ни к научным проблемам в полном объеме, ни к узловым моментам каких-то разработок, не мог принимать участие в закрытых совещаниях и ученых советах. Определенные ограничения были. Но месяца через три-четыре я знал все подразделения, приблизительно их специфику и направления деятельности.

Режим секретности был очень жестким. Иногда доходило до маразма. Всем жителям городка в приказном порядке надлежало ходить только в гражданской одежде. И был период, когда мужчины и женщины вынуждены были носить одинаковые клетчатые пальто. Знал я, что персонал работает в особо вредных и опасных условиях.

Условия жизни в этом закрытом городке, который имел отлаженную инфраструктуру, были просто райскими по тем временам. Высокая зарплата (600-700 рублей), надбавки за вредность, спецпитание... Свердловск-19 был полностью автономен - свои магазины, клуб, почта и даже загс. Городок в городе.

- Но так называемые "запретки" было принято располагать вдалеке от обычных городов, а бактериологически опасный Свердловск-19 находился внутри Свердловска. Почему?

- Так исторически сложилось. В 49-м году, когда у истоков Свердловска-19 стоял Берия, на этом месте был лес, это была глухая окраина. Потом город просто поглотил военное поселение. Рядом построили мясокомбинат, жиркомбинат и другие предприятия. Так Свердловск-19 оказался в центре самого крупного Чкаловского района.

- Никогда не ставился вопрос о его переносе подальше?

- В 1980 году такой вопрос в категоричной форме на правительственном уровне ставил тогдашний первый секретарь Свердловского обкома КПСС Борис Ельцин. Но это ни к чему не привело. До трагических событий 1979 года речи об этом не велось, поскольку местные власти имели самый минимум информации о том, что делается на территории Свердловска-19, который напрямую замыкался на Москву.

- Что творилось в Свердловске-19 во время тех событий?

- Мы начали догадываться о том, что случилось что-то страшное, только после внезапной смерти сотрудника отдела материально-технического обеспечения Свердловска-19 Николаева, как раз в начале апреля. МТО тогда руководил полковник Тихонравов. Собственно, от него я и узнал, что умер его подчиненный.

Николаев недолго пробыл в госпитале, который располагался прямо на территории Свердловска-19 (вместимость 75 койкомест). Хоронили его в закрытом гробу с применением специальных дезинфектантов.

У нас не было никакой информации о том, что в это время происходило за оградой Свердловска-19. О каких-то летальных исходах. Сразу после смерти Николаева приехала большая комиссия из Москвы.

- Как официально оформили смерть Николаева?

- Со слов наших медработников удалось узнать, что диагноз был пневмония или легочная недостаточность. В это же время серьезно заболела сотрудница МТО Свердловска-19 Грязнова, но ее удалось спасти.

- Тоже пневмония?

- Да. Первоначально ей ставили диагноз пневмония, потом, конечно, сибирская язва - легочная форма. Ее очень долго пролечивали. Она осталась жива.

- Где ее лечили, на территории городка?

- Только в нашем госпитале. В это же время в течение двух дней была проведена вакцинация всего персонала Свердловска-19. Меня лично прививал от сибирской язвы один из разработчиков этой оригинальной вакцины капитан медицинской службы Николай Садовой. Сейчас он полковник, доктор меднаук, продолжает работать в Свердловске-19. Вакцинация была организована в Доме офицеров городка, где был развернут прививочный пункт.

Было всего два случая, когда эти прививки сотрудники перенесли в тяжелой форме. А так все обошлось нормально.

В это время у нас работала большая комиссия под руководством начальника 15-го управления МО СССР генерал-полковника Ефима Ивановича Смирнова. Он посетил Ельцина тогда. О чем был разговор, неизвестно. От Ельцина Смирнов поехал в штаб округа и по спецсвязи доложил об обстановке лично Брежневу. Мне об этом рассказывали те, кто сопровождал генерал-полковника. Смирнов доложил генсеку, что вспышка сибирской язвы под его контролем.

В Свердловск прилетал и главный санитарный врач СССР П.Бургасов. Возможно, его присутствие было связано с тем, что он еще подполковником медслужбы работал начальником одного из отделов Свердловска-19. И в принципе все проблемы знал. Приезд Бургасова сопровождался отбором проб воды, почвы, воздуха. Вокруг 19-го городка постоянно крутились спецмашины санэпидемслужбы, о чем не было поставлено в известность военное командование. Это возмутило Смирнова. Был инцидент между ними.

- Проводилась ли какая-нибудь дезинфекция на территории 19-го городка?

- Никакой. Это сто процентов.

- Командование было так уверено в той вакцине, которую прививали персоналу Свердловска-19?

Да! Еще одна деталь. У нашего Дома офицеров установили щит с объявлением об опасности мяса с "диких" рынков. Такое мясо предписывалось либо сдавать на анализ, либо выбрасывать, но ни в коем случае не употреблена в пищу. Только через неделю по внутреннему радио, был свой радиоузел, мы узнали о вспышке "сибирки" в городе. И опять называлась одна причина - зараженное мясо. Многие специалисты, которые работали в 19-м городке, относились к этой информации весьма скептически. Внутри городка работал КГБ. Допрашивали все руководство Свердловска-19, связанное с лабораторной базой.

- А ваше наиболее осведомленное начальство не стремилось в этот период вывезти из городка свои семьи?

- У нас не вводился жесткий карантин, не было никаких запретов. Только вакцинация. Давались рекомендации следить за своим самочувствием. Никаких таблеток. Комиссия во главе с генералом Смирновым проработала больше недели. В конце апреля все начало успокаиваться.

- По результатам работы этой комиссии был кто-то отправлен в отставку, наказан?

- Никто. На совещании были только вынесены дисциплинарные взыскания, в легкой форме. Выговоры получили офицеры подразделения Юрия Крылова. Какова их причастность к вспышке сибирской язвы в городе, мне неизвестно. На этом уровне все разборки с офицерским составом закончились. Гражданских вообще не тронули.

Своего особого отдела в то время у нас не было. Представитель военной контрразведки КГБ, который курировал Свердловск-19, подчинялся напрямую своему московскому главку КГБ тогда работал на технической территории городка. С кем конкретно - не знаю. Нашим куратором от КГБ был майор госбезопасности Юрий Бадак. Он проверял все цеха, все корпуса. И, видимо, что-то зацепил. Вскоре с обострением какой-то аллергической болезни уехал на юг Молдавии и там умер.

- В начале 90-х по закрытым объектам ВПК, в том числе и связанным с БО, прокатилась волна международных инспекций. Как к этому готовились в Свердловске-19?

- Несколько раз такой вопрос действительно возникал. Были инструктажи по правилам поведения с иностранными инспекторами, разыгрывались целые репетиции (деловые игры), на какой вопрос как нужно отвечать. Шла чистка нежелательной документации, в том числе и по 1979 году, вплоть до медицинских книжек персонала с пометками о вакцинации. Из медкнижек просто выдирались страницы. Во избежание лишних

вопросов или исследований дальнейших. Кстати, вакцинировался персонал несколько раз в год. Это знал только руководящий состав.

- То есть чем болели специалисты Свердловска-19 и как лечились - это считалось не только врачебной, но и государственной тайной? А весь персонал выступал в роли подопытных кроликов?

- Судя по всему, да. До Шехан западные инспекторы доехали, к нам так и не добрались. Да никого и на порог бы не пустили.

Хлебнули спирта и разъехались

К чести Бориса Ельцина надо признать, что одним из его первых президентских указов стал указ о помощи жертвам свердловской трагедии. Ельцин не забыл тот беспрецедентный цинизм военных и то унижение, которое он вынужден был вытерпеть, пробуя защитить зараженный город.

По официальным данным, от "сибирки" в апреле 79-го погибло 64 жителя Свердловска. На самом деле смертей было больше. А в 19-м городке - всего одна. По нашим данным, Николаев очень любил собак. На своем складе прикармливал целую свору дворняжек. Через шерсть любимцев и зацепил смертоносный штамм. Собак потом расстреляли солдаты-охранники. Всех до единой.

Военные не поделились своей секретной вакциной с гражданским населением, хотя многих могли бы спасти. Почему? Может, поздно узнали, что происходит за пределами 19-го городка?

В один из первых дней эпидемии руководитель московской комиссии МО СССР Смирнов, тогдашний первый секретарь Свердловского обкома Ельцин и профессор Бургасов встречались. Разговор был короткий и резкий. Смирнов послал Ельцина куда подальше и уехал звонить другу Лене, докладывать, что все находится под контролем. Затем затащил в морг внутреннего госпиталя Свердловска-19 Бургасова. Им показали тело Николаева, приоткрыв на мгновение простыню. "Все понял?!" - спросил Смирнов. Бургасов кивнул. Они тут же хлебнули спирта и разъехались.

Но есть другой, более важный вопрос. Почему военные до сих пор не признают факт выброса боевых штаммов в Свердловске-19? Ответ мы искали несколько лет, по крупицам собирая информацию от различных своих источников. Он оказался простым и весьма сложным одновременно.

Военные, признав, что выброс был, должны были бы и раскрыть то, что в Свердловске-19 велось промышленное производство боеприпасов с БО. По нашим данным, утечка "сибирки" произошла утром 3 апреля 1979 года, во время наладки новой установки в сушильном цехе. Причиной послужили ошибки рабочих, допущенные при

монтаже. Произошла авария, и зараза устремилась в атмосферу через трещины в вентиляции. В процессе расследования было обнаружено три отверстия, через которые БО попало в город.

Конвейер тихой смерти

В Свердловске-19 производили разные типы боеприпасов. Сначала следовало приготовить достаточное количество исходного материала. Для этого в огромной емкости-скороварке высотой с трехэтажный дом варили бараний бульон. (Благо мясокомбинат находился рядом, и свежей баранины всегда было вдоволь - раз в неделю на территорию городка заезжал рефрижераторы, загруженные парным мясом. Отварное мясо передавалось потом в солдатскую столовую, так что служить в городке было не только почетно, но и сытно.) Потом, в бульон добавляли аминокислоты для повышения питательности, так называемый "кук" (кукурузный экстракт). ктерий. Они активно размножались, после чего смертоносное варево концентрировалось и сушилось. В определенной пропорции потом этот порошок разбавляли и заполняли им микрокапсулы. В городок из Монголии огромными рулонами завозили высококачественный белый войлок, так называемый "там". Войлок мелко рубили и смешивали с микрокапсулами. Это и было содержимым боеприпасов: авиабомб, снарядов, боеголовок. Производственный цикл занимал 6 часов. Все это время люди работали в скафандрах наподобие космических. Воздух и вода подводились по специальным шлангам. Несколько герметичных дверей отгораживали цех от внешнего мира, и никто не мог покинуть его до окончания работы. При разливе и наполнении микрокапсул очень важна была роль рецептурщиков. Их знания ценились на вес золота. Последний рецептурщик из Свердловска-19, кстати, уволился не так давно. И сейчас связался, по рассказам знающих людей, с какой-то уральской бандитской группировкой! Второй тип боеприпасов - наливной. Смертоносную жидкость в спецвагонах возили аж в Златоуст. Только там местные "левши" могли делать нержавеющую сталь, пригодную для боеприпасов с БО. Снаряды смертью наполняли прямо в одном из "почтовых ящиков" Златоуста. Медики из Свердловска-19 неусыпно следили за состоянием здоровья златоустовских коллег. Готовую продукцию с большой осторожностью транспортировали на хранение. Склады для БО - штука суперсложная. В них должен всегда держаться особый температурный режим, куча специалистов в обслуживании крайне необходима. Поэтому в СССР было всего два таких надежных места. Огромный арсенал имелся под городком Усолье-Сибирское Иркутской области (почти на берегу Байкала!). Второй базировался в горах под Махачкалой. Все БО из сибирского хранилища уже давно вывезено и уничтожено, там сейчас хранятся рыбные и мясные консервы, что, согласитесь, тоже странно. Куда девали БО из дагестанских складов - загадка.

Считалось, что советские БО испытывались только на острове Возрождение. Но нам в ходе журналистского расследования стало известно о существовании других испытательных полигонов.

В советские времена многие задавались вопросом, почему самая современная отечественная боевая техника показывалась на военных парадах в Москве и... в Свердловске. Больше нигде. Да потому, что прямо с центральной площади 1905 года ("из-под пальца", как говорят свердловчане, имея в виду до сих пор сохранившуюся статую Ленина с протянутой рукой) эти шедевры военной конструкторской мысли перебрасывались на полигон под уральским селением Верхняя Пышма. Именно здесь производились испытания с "имитаторами" БО. Технику опыляли безвредными растворами, по консистенции сходными с БО, а потом очищали. Ко приходилось что-либо взрывать, врубали реактивный авиадвигатель, чтобы заглушить канонаду и усыпить любопытство местных жителей.

Нам также стало известно, что боевые штаммы (правда, ослабленные, чтобы потом не убирать горы оленьих трупов) испытывали на Чукотке. Определенного полигона там не было, для многочисленных экспериментов выбирали безветренные ложбинки, так называемые "ложки".

Испытывали БО и в Афганистане во время боевых действий. Точно знаем, что использовались микроорганизмы, разрушающие боевую технику. У душманов техники почти не было, поэтому испытывали на своей. Пойди потом разберись в этой мясорубке. До середины 70-х, во всяком случае в Свердловске-19, практиковалось испытание боевых штаммов на так называемых "донорах", то есть на людях. Работяги со складов или строители за отдельную плату соглашались, чтобы им прививали всякую заразу. Статистика смертности таких "доноров" нам не известна.

Парадоксально, но факт, что БО имелись на вооружении у наших войск в Арктике. Боеголовками с БО были снабжены ракеты на подвижных установках, чуть ли не на льдинах дрейфовали. Понятно, куда были нацелены ракеты с "сибиркой" и туляремией. На США.

Все эти сведения мы публикуем впервые. Их никогда не было в многочисленных публикациях о БО. Но они наверняка давно известны западным спецслужбам от перебежчиков Пасечника и Алибекова. Первый был директором ленинградского института и занимался нейротоксинами, второй руководил заводом "Прогресс" по производству БО в Степногорске (Казахстан). Поэтому какие там, к черту, секреты.

Кураторы стояли на ушах

Что собой представляла "пятая проблема", теперь уже ни для кого не секрет. На смену ей пришла "шестая", над разрешением которой сегодня бьется весь цивилизованный мир.

Как предотвратить утечку БО в прямом и переносном смысле - этого пока не знает

никто.

Самый первый факт утечки БО в прямом смысле описал наш видный спец в области разработки БО академик Домарадский в своей книжке "Перевертыши", увидевшей свет в 1995 году мизерным тиражом -100 экземпляров.

"В работу вовлекались все новые и новые возбудители особо опасных инфекций, так, например, в Оболенске наряду с туляремией начали работать с геном дифтерийного токсина. Любопытно то, что зачастую работы начинались без соответствующих разрешений со стороны санэпидслужб, а именно эта гражданская структура давала разрешение на работу с возбудителями особо опасных инфекций.

Так, например, для того чтобы начать в Оболенске работы с дифтерией, пришлось в частном порядке привезти мазки дифтерийных больных из Саратова. Затем эти мазки попали в Москву, где из них выделили культуру, которую надо было переправить в Оболенск. И вот здесь-то и случилось ЧП: гонец генерала Огаркова привез во ВНИИПМ разбитую пробирку с намочшей ватной пробкой. Для того чтобы спасти участника скандала от суда, один из профессоров выдал Огаркову фальшивую справку о том, что тот перевозил незаразный материал".

В свою очередь, мы выяснили, что трагедия апреля 1979 года могла повториться все в том же многострадальном Свердловске, только в неизмеримо большем масштабе. В 1985 году по приказу из Кремля началось частичное уничтожение не только технологических линий по производству БО, но и накопленных арсеналов. Содержимое боеприпасов уничтожалось и в автоклавах Свердловска-19. Однажды одна лаборантка без окончательной проверки слила автоклав в канализацию городка, которая соединена с общегородским коллектором. Пять дней все руководство Свердловска-19 и кураторы в Москве стояли на ушах. Бесперывно брали пробы воды. Слава богу, на сей раз обошлось, все штаммы вымерли при первом кипячении.

Приватизация чумы

С "переносным" смыслом, то есть с контрабандой и расползанием БО по странам третьего мира с террористическими наклонностями, все еще гораздо сложнее. Украсть БО легче, чем тырить мелочь по карманам. Самый распространенный метод контрабандной перевозки боевых штаммов очень прост - под целлофаном сигаретной пачки.

Вновь читаем у Домарадского: "...Буквально через месяц после назначения Анисимова начальником отдела туляремии в Оболенске обнаружилось, что ему удалось добиться

высокой устойчивости к тетрациклину, "камню преткновения" всех проводимых работ. Естественно, что это вызвало удивление у коллег и поползли слухи, что на самом деле этот штамм он привез в "кармане" с места прежней работы в Свердловске-19, но Анисимов стал утверждать, что сделал это "по памяти"... из Москвы во ВНИИПМ прикатила комиссия для расследования обстоятельств дела. В соответствии с существовавшим тогда "Режимом работы с возбудителями особо опасных инфекций", а возбудитель туляремии именно к ним и относился, работать с ними можно было лишь в специальных учреждениях, и вынос культур из них категорически запрещался. Кража же штамма из военного института вообще иначе как ЧП расцениваться не могла! Но расследование затянулось... штамм Анисимова имел одну важную метку, присущую свердловскому штамму, а именно - чувствительность к налидиксовой кислоте... факт кражи штамма из Свердловского института можно было считать доказанным".

В связи с этим становится понятна паника, которая охватывает американцев при одной мысли о том, что разработки российских военных попадут в руки иракских или иных террористов. А основания для этого у них бесспорно есть.

Понятно, что штатники боятся, к примеру, Саддама Хусейна не потому, что у него есть какой-нибудь боевой штамм, а потому, что у них нет спецвакцины от него. Любопытно, что Белый дом официально обращался к российской стороне за вакциной от "сибирки", которой им в 1991 году грозил Ирак. Мы помочь отказались, нагло сославшись на отсутствие должных производственных мощностей. Хотя вся наша некогда мощная Система наполовину, но вполне была дееспособна. Кто кого проверял?

Но необязательно заниматься контрабандой боевых штаммов. Достаточно иметь документацию с описанием технологии производства и вакцинирования. Редакции точно известно, что архивы Кирова и Свердловска-19 полностью сохранены. У нас также есть показания бывшего высокопоставленного сотрудника Системы, который утверждает, что еще в 1995 году были систематизированы и приготовлены для длительного хранения все архивы п/я А-1063.

Еще более интересной становится картина, если мы попробуем посмотреть, где сейчас работают те, кто стоял во главе этого суперпроекта. Генерал Калинин - возглавляет институт, который находится там же, на берегу Яузы. Генерал Ураков - инсти глава министерства биологической промышленности Быков, в настоящее время совмещает два поста - директор института Мавзолея, который давно превратился в негосударственную организацию, и института лекарственных растений. Секретный завод в Свердловске-19 возглавляет генерал-майор Хоречко, сюда он попал из Кирова.

Любой из этих людей, а также тысячи их бывших подчиненных обладают потенциальной возможностью в течение считанных часов развернуть производство БО в любой точке планеты.

Редакция располагает как минимум одним достоверным фактом, когда высокопоставленный сотрудник Системы обратился в посольство Китая с предложением своих услуг.

Вечно живая

Осенью прошлого года здесь пытались соорудить новые гермодвери для так называемых "зонированных" помещений (максимально защищенных во всех отношениях). Зачем, от чего защита - непонятно. Завезли новое оборудование японской фирмы "Шиматсу" в 1992-1994 годах якобы для производства гражданских лекарств. Еще часть оборудования двойного назначения была переброшена из Кирова. Сюда же перебрасывается персонал шести отделов кировского института.

Все трех- и пятиэтажные корпуса остались. Мощная электростанция осталась.

Две комиссии генеральские наезжали. Кокошин и начальник Генштаба Колесников. К чему бы такое высокое внимание?

Антибиотики пока не выпускают. Дисбактериозные средства выпускали, но они не пользовались спросом. Фасовочные линии в последнее время простаивают. Конверсия не идет.

Много новых фамилий, то есть кадры обновляются постоянно. По состоянию на 1996 год остепененных было более 50 человек. Чем они заняты в этом суперзакрытом по сей день военном городке? Идет работа над диссертациями, в том числе докторскими. Зачем такой высокий научный потенциал при такой узкой гражданской проблематике? Технологии производства БО давно отработаны. С этим может справиться и немногочисленный персонал технологов. А чем занимаются многочисленные ученые? Система жива и здравствует?

P.S. Из откровенного интервью генерал-майора Хоречко в юбилейном номере внутренней многотиражки Свердловска-19: "Теперь мы фактически строим завод, который разрушили в 1986-89 гг."

Сергей Плужников, Алексей Шведов

Совершенно секретно

05.04.1998